

ДВИНСКАЯ УСТАВНАЯ ГРАМОТА

Двинская Уставная грамота конца XIV в. (ДУГ) — важнейший источник по истории московско-новгородских отношений, Двинской земли, русского права. Она постоянно находилась в поле зрения историков. И тем не менее ее систематическое исследование, предполагающее взаимосвязанное решение вопросов о происхождении (время и место составления, авторство, цель), историко-юридическом значении (место в системе памятников русского права), степени практической реализованности зафиксированных в ДУГ норм, пока не проведено. Наиболее основательно изучено происхождение ДУГ, но ее датировка до сих пор дискуссионна. Большое внимание уделялось и историко-юридической характеристике памятника (наиболее глубоко этот аспект проблемы изучен в работах Л. В. Черепнина и А. А. Зимина), в результате чего установлена ее связь с другими памятниками права, но до сих пор не проведено систематическое сопоставление каждой статьи ДУГ со всеми схожими статьями других памятников — договорами князей между собой и с Новгородом, Русской Правдой Краткой (КП) и Пространной (ПП) редакций, Псковской Судной грамотой (ПСГ), Судебниками 1497 г. и 1550 г., уставными грамотами наместничьего управления конца XV—первой половины XVI в. (УГ). Из-за этого пока неясно, отражены ли в ДУГ нормы права, действовавшие в Московском княжестве, или же грамота составлялась с учетом правовых традиций Северо-Западной Руси. Вопрос о том, в какой степени нормы ДУГ были реализованы, пока даже не ставился. Настоящая статья является попыткой обобщающего изучения ДУГ.

ДУГ дошла в сборнике, составленном московским правительством накануне похода на Новгород в 1477 г. и служившем для обоснования законности антиновгородских действий Москвы.¹ Справедливо отмечалось, что ДУГ могла быть составлена только в 1397—1398 гг., в период временного присо-

¹ ГПБ, О-ГУ-№ 14, л. 14—16; Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50-х—70-х гг. XV в. // Ист. зап. М., 1982. Т. 103. С. 189—214.

единения Подвinya к Москве.² При этом одни датировали ДУГ 1387 г.,³ другие — 1398 г.,⁴ третьи предпочитали более осторожную датировку — 1397—1398 гг.⁵ Автор склонен считать

² В начале XV в. еще дважды организовывались походы на Подвине: в 1401 г. и в 1417 г. (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 396—397). В 1401 г. двинские мятежники во главе с Анфалом Никитиным на очень короткое время захватили «на шит» Двинскую землю, но тут же были разбиты новгородцами у Холмогор и изгнаны. В 1417 г. отряды вятчан, устюжан, двинских мятежников во главе с Глебом Семеновичем — воеводой князя Юрия Дмитриевича совершили набег на Двинскую землю. Но и эту рать новгородцы сразу же изгнали. В обоих случаях великокняжеские рати столь недолгий срок хозяйничали на Двине, что вероятность выдачи в эти годы уставной грамоты Двинской земле практически исключена.

³ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. 5. С. 227, 497—498; Аристов Н. Я. Хрестоматия по русской истории. Варшава, 1870. № 183. Стб. 719; Михайлов М. М. История русского права. СПб., 1871. С. 178; Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 339; Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. Юрьев, 1907. С. 244; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг., 1915. С. 214; ГВНИП. М.; Л., 1949. № 88. С. 144—146; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 398—399; М., 1951. Ч. 2. С. 373; АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 7. С. 21; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 39; Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за двинские земли... С. 189; Миронова В. Г. Землевание в Двинской земле XIV—XV вв. // Вестн. МГУ. Сер. 9. История. 1970. № 4. С. 63; Зарубин А. А. Важская земля в XIV—XV вв. // История СССР. 1970. № 3. С. 183.

⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 14. С. 9; Собрание важнейших памятников по истории древнего русского права. СПб., 1859. С. 145; Загоскин Н. П. Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления. Казань, 1875. Вып. 1. С. 31; Мрочек-Дроздовский П. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов // Юридический вестник. М., 1884. Вып. 7. С. 78—82; Пакман С. В. История кодификации гражданского права в России. СПб., 1876. С. 223; Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888. С. 6—8; Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Киев, СПб., 1901. Вып. 2. С. 80; Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. Ч. 1. С. 49—51; Яковлев А. И. Наместничьи губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909 (далее Яковлев). № 1; С. 1; Сомов Л. Опыт систематического изложения материала уставных грамот, определяющих порядок местного правительственного управления в Московском государстве. Киев; Пг., 1914. С. 37—39; Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1935. № 58. С. 129—131.

⁵ Рождественский С. В. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI вв. // Изв. АН СССР. Отд-ние гуманитарных наук. Сер. 7. Л., 1929. С. 49—61; ПРП. М., 1955. Вып. 3. С. 162—185 (комментарий А. А. Зимина); Зимин А. А. Традиции Правды Русской в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 190; Флоря Б. Н. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси // История СССР, 1983. № 1. С. 70.

наиболее предпочтительной первую из предлагаемых датировок (к ней склонились в последнее время почти все последние историки, изучавшие ДУГ). Л. В. Черепнин обратил внимание на то, что в ДУГ о двинском наместнике говорится в условной форме — «коли пошлю». Отсюда — убедительный вывод об оформлении памятника до появления на Двине великокняжеского наместника в 1398 г. (известного по летописям князя Федора Ростовского), скорее всего почти сразу же после присоединения Подвинья к Москве, ДУГ составлялась в Москве. Л. В. Черепнин и А. А. Зимин привели соображения в пользу вероятности непосредственного участия в ее составлении митрополита Киприана.⁶ Следовательно, возможно внесение в ДУГ правовых норм, характерных для Северо-Восточной Руси, а не для Новгородской республики, составной частью которой была Двинская земля. Ниже мы увидим, что большая часть отраженных в ДУГ правовых норм находит соответствие в более поздних памятниках, созданных в Москве. Это позволяет с большей степенью убедительности предположить, что ДУГ отразила преимущественно московскую правовую традицию конца XIV в. Гипотеза об участии в составлении ДУГ Киприана заставляет помнить и о вероятности использования при составлении ДУГ правовых памятников Западной и Юго-Западной Руси, бывших составной частью Великого княжества Литовского. Ведь до приезда в Москву Киприан долгое время был главой литовской части русской митрополии⁷ и, по-видимому, хорошо ориентировался в литовско-русских памятниках.

Ст. 1 и 2 ДУГ (принимаям разбивку памятника на статьи, предложенную в ПРП и АСЭИ) взаимосвязаны и дополняют друг друга. Они предусматривали наказание за убийство, нанесение ран и побоев. Ст. 1 фиксирует 10-рублевый штраф, который выплачивала община, если на ее территории происходило убийство, а убийцу не находили. В литературе отмечалось, что постановление о 10-рублевом штрафе соотносится со ст. 3 ПП: «Аже кто убить княжа мужа в разбон, а головника не ищють, то виревную платити, в чьей же верви голо-

⁶ Для ДУГ характерно употребление тех же терминов («вина», а не «продажа» для обозначения штрафа; «осподарь», а не «господин»), что и для Мясниковского вида ПП, связанного с деятельностью Киприана (Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1940. С. 137—138; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 401; ПРП. Вып. 3, С. 187).

⁷ Голубинский Е. Е. История русской церкви. СПб., 1900. Т. 1, 2-я пол. С. 211—212.

ва лежить, то 80 гривен; паки ли людин, то 40 гривен». И действительно, 10 московских рублей конца XIV в. соответствуют 40 гривнам ст. 3 ПП. Но в отличие от ПП в ДУГ предусмотрена обязательность выдачи убийцы, а штраф платится лишь в том случае, если преступник не найден. В ст. 1 ДУГ назначается тот же штраф, который ст. 3 ПП назначает за убийство «людина», простого общинника. Следовательно, нельзя согласиться с мнением, будто в ст. 1 ДУГ речь идет «об убийце, посягнувшем на жизнь представителя феодальной верхушки».⁸ Дифференцированного платежа за убийство в зависимости от социального статуса потерпевшего ДУГ в отличие от ПП не знает (в исследуемом памятнике ни слова не говорится о повышенной плате за убийство «двинских бояр», упоминаемых во вступлении к ДУГ), единый 10-рублевый штраф назначался за убийство любого свободного человека. То, что в ст. 1 ДУГ имелась в виду именно основная масса населения, видно из ее сопоставления со ст. 2. В ст. 2 рассматривается казус, когда «излают», до крови или «синевы» ударят «боярина» или «слугу». Эти проступки, определяемые как «бесчестие», судятся в зависимости от «отечества» потерпевшего. Но ведь в ст. 1 ДУГ уже назначался штраф за два из трех этих преступлений: «За кровавую рану тритцать бел, а за синюю рану пятнадцать бел». Дублированию одинаковых норм в ст. 1 и 2, на наш взгляд, можно найти то рациональное объяснение, что они были ориентированы на различные социальные группы. Ст. 2 явно ориентирована на представителей феодальной среды. Значит, в ст. 1 имелось в виду все остальное свободное население. Итак, за убийство предусматривался одинаковый штраф, за побой и кровавые раны — дифференцированный (в зависимости от социального статуса пострадавшего), словесное оскорбление наказывалось лишь в том случае, если пострадавший был представителем феодальной среды.⁹

Ст. 1 и 2 ДУГ ориентированы на правовую практику Северо-Восточной Руси. Именно источники Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. (междукняжеские договоры, кормленные грамоты) знают членение господствующего класса на «бояр»

⁸ ПРП. Вып. 3. С. 188; ПР. М.; Л., 1940, ч. 1. С. 104.

⁹ Есть мнение, что штраф за словесное оскорбление вводится в ДУГ впервые в русском законодательстве (Латкин В. Н. Лекции... С. 7; ПРП. Вып. 3. С. 189). Но он предусмотрен и в ст. 25 Устава Ярослава (Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 88), датировка которого пока дискуссионна. Одни исследователи относят его к домонгольскому времени, другие к послемонгольскому.

и «слуг».¹⁰ Для источников Северо-Западной Руси словосочетание «бояре и слуги» не характерно. В Новгороде правящий класс в конце XIV—XV в. подразделялся на «бояр» и «житьих людей» (что отразилось в договорах Новгорода с князьями, в выдаваемых новгородским вечем грамотах, в летописях, в новгородских судебных грамотах).¹¹

Мы отмечали уже непосредственную соотнесенность величины штрафа за убийство по Русской Правде и по ДУГ: и в том, и в другом случае платилась одна и та же сумма. Плата за кровавую рану по ДУГ была иной, нежели по КП и ПП. Но вот что интересно. Если пересчитать указанную в ДУГ величину штрафа (30 бел) на московский денежный счет, то получится, что за кровавую рану брали 3 московских гривны. А ст. 2 КП и ст. 29 ПП назначают за кровавую рану штраф, равный 3 гривнам кун.¹² Поскольку московская гривна не соответствовала гривне кун Русской Правды, величина платежа по КП и ПП, с одной стороны, и по ДУГ, с другой — была различной. Возникает вопрос: не было ли принято в XIV—XV вв. назначать в качестве штрафа то количество московских гривен, которое соответствовало числу гривен кун эпохи Русской Правды? Я склонен ответить на этот вопрос утвердительно: мы еще не раз столкнемся с соответствием количества московских гривен числу гривен кун Русской Правды при взимании штрафа за одно и то же преступление. И если единственное совпадение подобного рода можно было бы еще признать случайным, то целый ряд совпадений, на наш взгляд, едва ли можно считать таковым. В частности, ситуация, когда количество гривен московской денежной системы соответствовало количеству гривен кун эпохи Русской Правды, позднее возникла и в отношении дел об убийстве. Ст. 1 ДУГ, повторим, фиксирует ту величину штрафа, которую устанавливали еще КП и ПП. Но, начиная с составленной в 50-х гг. XV в.

¹⁰ Флоря Б. Н.: 1) Кормленые грамоты XV—XVI вв. как исторический источник // АЕ. 1970. М., 1971. С. 110—111; 2) Формирование сословного статуса... С. 65, 70. «Пересуд» судов за «безчестие» знает ст. 4 «Записи о душегубстве» (XV в.), регулирующая взаимоотношения соуправителей Москвы. Конкретная величина штрафа за «безчестие» в ней не называется (АСЭИ. Т. 3. № 12. С. 28). Но то, что «Запись» упоминает разбор дел о «безчестии», подтверждает существование на Северо-Востоке Руси практики разбора этой категории дел.

¹¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 323; Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова; (К вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Ист. зап. М., 1979. Т. 103. С. 261—263.

¹² Пр. Ч. 1. С. 70, 106.

«Записи о душегубстве»,¹³ источники обычно назначают 4-рублевый (т. е. 40-гривенный) штраф с той или иной административной единицы (города, волости, стана, села, пути) за происшедшее на ее территории нераскрытое убийство.¹⁴

Во всех УГ конца XV—первой половины XVI в. есть отсутствующая в ДУГ статья, по которой город, волость, стан и т. д. освобождались от уплаты штрафа, если устанавливали, что найденный на их территории мертвец не был убит.¹⁵ Это постановление ограничивало произвол наместников и волостелей, не позволяя им назначать штраф за тех, кто умер ненасильственной смертью.

Ст. 3 ДУГ рассматривает вопрос о ссоре на пиру и последующем примирении: «А учинится бой в пиру, а возмут прощение не выида ис пиру, — и наместником и дворяном не взяти ничего: а вышед ис пиру возмут прощение, — ино наместником дадут по кунце шерстью». Справедливо указывалось, что ст. 3 ДУГ очень близка к ст. 80 Псковской судной грамоты (ПСГ), по Ю. Г. Алексееву, ст. 73: «А кто с ким побьется во Пскове или на пригороде, или на волости на пиру, или где инде, а толко приставом не позовутся, а промеж себе прощенье возмут, ино ту князю продажи нет». ¹⁶ ПСГ пишет о любом «бое», ДУГ — о «бое в пиру» (очевидно, берется наиболее часто встречающийся случай возникновения драк). По ст. 80 (73) ПСГ при примирении сторон «князю продажи нет»; значит, в противном случае, если дело доходило до обращения в суд, какой-то штраф в его пользу скорее всего платился. По ст. 3 ДУГ уплата штрафа наместнику («по кунце шерстью») предусматривалась, если примирение произойдет после пира

¹³ АСЭИ. Т. 3. № 12. С. 28; Семенченко Г. В. О датировке московской губной грамоты XV в. // Сов. архивы. 1978. № 1. С. 53—59; Зимин А. А. Запись о душегубстве // ВИД. Л., 1985. С. 133—141; А. Л. Хорошкевич (К истории возникновения «Записи о душегубстве» // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 195—204) датирует «Запись» 1435 г. и считает, что сохранившийся вариант ее имел восходящий к концу 1389 г. протограф. Ст. 1 ДУГ показывает, что и в 1397 г. 4-рублевый штраф за убийство не был характерен. Следовательно, протограф ст. 4 «Записи о душегубстве» не мог быть составлен в 1389 г.

¹⁴ Яковлев. № 2. С. 4; № 4. С. 9; № 5. С. 11—12; № 8. С. 21; № 10. С. 27; № 12. С. 34; № 13. С. 37—38; № 14. С. 40; № 15. С. 44.

¹⁵ Там же. № 2. С. 4; № 3. С. 6; № 4. С. 9; № 5. С. 12. № 7, С. 18; № 8. С. 21; № 9. С. 24; № 10. С. 27; № 12. С. 34; № 13. С. 38; № 14. С. 40; № 15. С. 44; № 16. С. 47.

¹⁶ ПРП. М., 1953. Вып. 2. С. 296; Вып. 3. С. 190; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... Ч. 2. С. 406; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота... С. 10—11, 241—242.

(«вышел и с пиру»). Соотнесение этой нормы со ст. 80 (73) ПСГ позволяет думать, что имелось в виду примирение после обращения одного из участников ссоры в суд (обратиться в суд можно было, конечно, только после пира). Близкое к ст. 3 ДУГ постановление встречаем и в УГ 29 июля 1509 г. князя Юрия Ивановича бобровникам Каменского стана Дмитровского уезда: «А в пиру или в братчине посварятся или побьются, а не вышод из пиру помирятся, и ловчему и его тиуну в том нет ничего; а вышод из пиру помирятся за приставомъ, и ловчему и его тиуну в том нет ничего, опричь хоженного; а хоженного в городе четыре деньги, а у них в деревнях хоженного денга».¹⁷ Здесь также рассматривается казус, связанный со ссорой на пиру с последующим примирением либо сразу же (на пиру), либо после пира. Относительно этого последнего случая прямо подчеркнуто, что речь идет о примирении «за приставомъ», т. е. после обращения одной из сторон в суд. Но в отличие от нормы ст. 3 ДУГ в случае примирения тяжущихся ловчий не получал ничего даже после обращения одной из сторон в суд. Очевидно, на Северо-Востоке Руси не было принято отчислять штраф представителям местного управления и тогда, когда примирение достигалось после обращения в суд. Едва ли фиксируемая ст. 3 ДУГ практика отказа наместнику «куницы шерстью» восходит и к правовой практике Северо-Западной Руси, хотя там, как мы видели, участники ссоры, вероятно, платили какой-то штраф в случае обращения в суд и последующего примирения. «Куница шерстью» как мера штрафа там неизвестна. Не возникла ли она под влиянием правовых обычаев Западной и Юго-Западной Руси, которые могли попасть в ДУГ, как указывалось, благодаря участию в ее составлении митрополита Киприана? «Куница шерстью» как мера штрафа при примирении тяжущихся известна УГ Западной и Юго-Западной России.¹⁸

Ю. Г. Алексеев справедливо указал, что «бой в пиру» — по всей видимости, бой между членами общины.¹⁹ «Бой в пиру» между членами общины были и в эпоху КП и ПП. Но статей, сколько-нибудь близких к рассмотренным, в этих сводах нет. А. А. Зимин, правда, указывает на близость ст. 3 ДУГ и ст. 6 ПП, которая предусматривает обычный штраф за

¹⁷ Яковлев. № 5. С. 12.

¹⁸ См., например: Акты, относящиеся к истории Западной Руси, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1848. Т. 3. № 5. С. 17. Глубоко признателен А. Л. Хорошкевич, обратившей мое внимание на это постановление.

¹⁹ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота... Л., 1980. С. 60—62.

убийство во время ссоры на пиру.²⁰ Между ними есть очень отдаленное сходство. Ст. 6 ПП предусматривала вмешательство государственной власти во внутриобщинные дела только в тех случаях, когда дело доходило до убийства. Полный контроль над жизнью общины она еще установить не могла. Община сохраняла значительные элементы самоуправления. В частности, рассмотрение не приведших к убийству драк на пиру, по-видимому, входило в компетенцию общины и не было подведомственно княжеской администрации. А к XIV—XV вв. феодализация общества во всех регионах Руси сделала значительный шаг вперед и власть феодального государства на местах значительно окрепла.

Ст. 4 назначает штраф за захват чужой земли. Начало ее («А друг у друга между переорет или перекосит на одном поле, вины боран») — типичная составная часть более поздних УГ. Правда, по УГ конца XV—первой половины XVI в. соответствующая статья дополнена формулой «на виноватом за боран 8 денег» (алтын, два алтына или 6 белок, 4 деньги новгородские — денежный эквивалент, по-видимому, в каждом конкретном случае определялся ценой на баранов в той местности, населению которой выдавалась УГ).²¹ Слова ст. 4 ДУГ о «переорании» межи «друг у друга», «на одном поле», очевидно, подразумевали нарушение «межи» в пределах одного административного образования — стана или волости. Большинство сохранившихся УГ более позднего времени регулируют взаимоотношения представителей княжеской власти на местах — наместников, волостелей, посельских, ловчих с жителями определенных административных единиц — волостей, слобод, станов, сел. Следовательно, тут речь явно может идти лишь о нарушении земельных границ внутри определенной административной единицы. Об этом прямо говорится в некоторых УГ. В большинстве их о нарушителе межи говорится, правда, неопределенно — «а кто у кого».²² Но иногда эти слова расширяются как указание на земельные споры между жителями одной административной единицы. В УГ 1537 г. Ивана IV бобровникам Ильмахотского стана Владимирского уезда бобровничей волости указывается: «А кто у кого переко-

²⁰ ПРП. Вып. 2. С. 191; ПР. Ч. 1. С. 104.

²¹ Яковлев. № 2. С. 4; № 3. С. 5; № 4. С. 9; № 5. С. 12; № 7. С. 18; № 8. С. 21; № 9. С. 24; № 10. С. 27; № 11. С. 31; № 12. С. 34; № 13. С. 39; № 16. С. 47. Маньков А. Г. Движение цен в Русском государстве в XVI в. М.; Л., 1950. С. 104, 122.

²² Яковлев. № 4. С. 8; № 5. С. 12; № 7. С. 18; № 8. С. 21; № 10. С. 27; № 11. С. 31; № 12. С. 34; № 16. С. 47.

сит между **бобровник у бобровника**» (курсив мой. — Г. С.). В УГ Ивана IV рыболовам и оброчникам Борисоглебской слободки слова «а кто у них» поясняются словами «меж себя», т. е. внутри слободки («А кто у них меж себя переорет между или перекосит»). Еще определеннее на связь данного постановления с рассмотрением поземельных споров в рамках одной административной единицы указывается в ст. 62 Судебника 1497 г., ст. 87 Судебника 1550 г.: «А христиане промежу себя в одной волости или в селе кто у кого между переорет или перекосит, ино волостелем или поселскому имати на том за баран по два алтына».²³

Окончание ст. 4 («А меж сел межа тритцать бел; а княжа межа три сороки бел; а вязбы в том нет») не имеет параллелей и в более поздних УГ. УГ конца XV—первой половины XVI в. не предусматривают штраф в пользу представителей местной администрации (наместников, волостелей и т. д.) при возникновении споров о земле между представителями различных административных единиц — волостей, станов, вотчин и т. д. Скорее всего, это связано с тем, что по крайней мере с середины XV в. земельные споры между представителями различных административных единиц обычно разбирались представителями центрального, а не местного аппарата: право суда второй инстанции было за самими князьями, их назначаемыми, дворецкими, писцами.²⁴

Но если в позднейших УГ нет статей, которые бы соотносились с известием ДУГ о штрафе за нарушение княжей межи или границы другого села, то они есть и в КП и в ПП. Ст. 4 ДУГ правомерно сравнивали со ст. 72 ПП (которой соответствует ст. 34 КП): «Аже между перетнет бортную или ролейную разореть, или дворную тыном перегородить межу, то 12 гривен продажи».²⁵ Мы опять сталкиваемся с ситуацией, когда предусматриваемое ДУГ число московских гривен (три сорока бел равны 12 московским гривнам) оказывается соответствующим числу гривен кун Русской Правды. Такое соответствие позволяет предположить, что в ст. 72 ПП, как и в ст. 4 ДУГ, подразумевалась именно княжеская земля. Ст. 72 является составной частью группы тесно взаимосвязанных статей (69—74 ПП), предусматривающих 12-гривенный штраф за

²³ Там же. № 9. С. 24; № 13. С. 39; Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952 (далее Судебники). С. 28, 172.

²⁴ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 168—199.

²⁵ ПР. Ч. 1. С. 112; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 225, примеч. 221; Зимин А. А. Традиции Правды Русской... С. 192.

кражу имущества, порчу межевых знаков. Сопоставление их со ст. 4 ДУГ делает вероятной гипотезу А. А. Зимина, что все они посвящены защите княжеского имущества.²⁶

В ПП нет статьи, которая бы прямо соотносилась с постановлением ст. 4 ДУГ о 3-гривенном (30 бел) штрафе (естественно, я имею в виду 3 гривны московского денежного счета конца XIV в.) за нарушение границ другого села. Но определенная соотнесенность некоторых статей ПП, устанавливающих 3-гривенный штраф (в данном случае имеются в виду 3 гривны кун) с этим постановлением ст. 4 ДУГ, кажется, прослеживается.

Исследователи давно обратили внимание, что ст. 75 и 76 ПП (которые предусматривают равный 3 гривнам кун штраф за повреждение борти) на первый взгляд противоречат ст. 71, назначающей 12-гривенный штраф тому, кто «разнаменаеть (сорвет знак собственности. — Г. С.) борть». Ст. 71 и 75, 76 ПП пытались примирить двояким образом. Высказывалась гипотеза, что в ст. 71 речь идет об умышленной порче борти, а в ст. 75, 76 — о неумышленной (отсюда — и большее наказание в первом случае).²⁷ Предполагалось также, что в ст. 75 подразумевался случай, когда бортное дерево еще не было окончательно устроено или же в нем отсутствовали пчелы (отсюда — меньший ущерб и меньший размер штрафа).²⁸ Ст. 4 ДУГ дает основание высказать еще одну гипотезу относительно соотношения ст. 71 и 75, 76. Из ст. 4 ДУГ мы видим, что княжеская собственность защищена 12-гривенным штрафом, общинная — 3-гривенным. Не с тем ли самым мы сталкиваемся в ст. 71 и 75, 76 ПП? Тот факт, что в реальном денежном исчислении 12 гривен ст. 71, 75 и 76 ПП и 3 и 12 гривен ст. 4 ДУГ различаются, не противоречит нашей гипотезе: выше мы видели, что московские юристы порой устанавливали штраф, равный тому количеству московских гривен, которое соответствовало количеству гривен кун эпохи Русской Правды.

В ПП есть статьи, соотносящиеся с постановлениями ст. 4 ДУГ о штрафе в пользу наместника за нарушение княжеской межи или межи другого села, но нет статей, которые соотносились бы с постановлением об отчислении в его пользу штра-

²⁶ ПРП. Вып. 1. С. 169—170.

²⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1. Примеч. 117; ПР. Ч. 1. С. 112—113; Правда Русская: Учебн. пособие. М.; Л., 1940. С. 27; ПРП. Вып. 1. С. 171—172.

²⁸ Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859—1860. Кн. 1, 2, 3, 5, 6. С. 192—193.

фа за нарушение земельных владений внутри одной и той же административной единицы. И это не случайно. Мы снова сталкиваемся с ограниченностью вмешательства представителей государственной власти в дела общин по ПП. В ДУГ отразилось усиление (по сравнению с эпохой ПП) этого вмешательства. Из компетенции общины, волости изымаются дела, ранее подведомственные ей. Раз споры о земле между членами одной административной единицы попали в поле зрения государственной власти, значит, это явление к концу XIV в. было достаточно распространено. Это показатель прогрессирующего, разложения волостной собственности, образования внутри общины собственников феодального типа.

Близость постановления ст. 4 ДУГ о «переорании» межи в рамках одной административной единицы к аналогичным статьям более поздних УГ, вышедших из московской великокняжеской канцелярии, и к статьям 62 и 87 Судебников 1497 и 1550 гг. позволяет считать, что в ст. 4 отражены правовые нормы конца XIV в., характерные для Северо-Восточной Руси, в частности, для Московского великого княжества (в НСГ и ПСГ такого рода постановлений нет). На эту же мысль наводит и наличие в ней постановления, не соответствующего политическим реалиям Двинской земли — о 12-гривенном штрафе за «переорание» княжеской межи. Ведь в Подвинье не было княжеского землевладения. А. А. Зимин предполагает, что это постановление отражает намерение Московского правительства в будущем завести княжеское хозяйство на Двине.²⁹ Но едва ли у Василия I в 1397 г. были столь далеко идущие планы в отношении только что присоединенной земли, которой он собирался предоставить очень широкую автономию. Скорее, московские юристы механически внесли в ДУГ привычную для них правовую норму (сделав, правда, пересчет штрафа с гривен или рублей на принятые в Подвинье белы).

Ст. 5 и 6 ДУГ посвящены рассмотрению дел о «татьбе». Ст. 5 при обнаружении украденного у невинного назначала «свод» «до десяти изводов» до «чеклого (настоящего. — Г. С.) татя». Постановление о розыске татя до десятого свода есть в большинстве УГ конца XV—первой половины XVI в. В источниках Северо-Западной Руси времен независимого существования Новгорода и Пскова соответствующая норма не представлена. Видимо, подобно большинству статей ДУГ, ст. 5 отразила нормы московского законодательства. Учет постановлений последующих УГ позволяет точнее интерпретировать

²⁹ПРП. Вып. 1. С. 172—173 (комментарий А. А. Зимина).

ст. 5 ДУГ. После распоряжения о «своде» до десятого свода и до «чеклого татя» в ней фигурирует постановление — «от того наместником не взяти ничего». Оно есть и в Белозерской УГ (1488). В УГ первой половины XVI в. после слов «и до десяти сводов и до чеклого (пошлого) татя» обычно следует: «и продажи ему в том нет».³⁰ В УГ 1509 г. князя Юрия Ивановича бобровникам Каменского стана Дмитровского уезда к упомянутым словам добавлена еще одна фраза — «ни сводных на них гривен не емлют». Близкое постановление («сводного нет») имеется и в УГ Ивана IV Пермской земле (1553 г.).³¹ Очевидно, наместники и волостели получали пошлину за организацию «свода», которую платил тот, кто требовал «свода», желая доказать невиновность. Но некоторые УГ (в том числе и ДУГ, которая «ничего» не назначала наместникам) освобождали от нее население. Если же фиксировалось освобождение только от «продажи», то «сводное», надо полагать, платилось.

«Свод» по ст. 5 ДУГ и по аналогичным статьям других УГ во многом отличается от свода по КП и ПП. Ст. 36 и 39 ПП, ограничивают его рамки определенными административными единицами — городами и тянущимися к ним «землями» (по-видимому, тянущимися к городу общинами — вервями);³² причем третье лицо, до которого доходил «свод», возмещало потерпевшему убытки (ст. 16 КП и ст. 36 ПП). А что происходило, если в данной «земле» тать не находился? На этот вопрос отвечает ст. 77 ПП. Когда выяснялось, что тать в «городе» или «земле» нет, искать его начинала, видимо, та вервь, в которую вел «след» преступника.³³ Организация «свода», очевидно, была внутренним делом общины — верви, и представители княжеской власти в него не вмешивались. Ст. 5 ДУГ, как и соответствующие постановления УГ конца XV—первой половины XVI в., ограничений «свода» рамками какой-либо административной единицы — стана, волости и т. д. не знают. Организация его изъята из компетенции общины и передана наместникам и волостелям (не случайно появляется «сводное», пошлина в их пользу за организацию «свода»). К концу XIV в.

³⁰ Яковлев. № 2. С. 4; № 3. С. 6; № 4. С. 9; № 7. С. 17; № 8. С. 20—21; № 10. С. 27; № 13. С. 38; № 16. С. 47. На практике кормленщики, возможно, иногда пытались взыскать «продажу» на невиновном.

³¹ Там же. № 5. С. 12; № 12. С. 34.

³² ПРП. Вып. 1. С. 172—173 (комментарий А. А. Зиминой). Н. Ланге (Исследование об уголовном праве. С. 235) считает, что имелся в виду переход «свода» из одного посадничества в другое.

³³ ПРП. Вып. 1. С. 172—173 (комментарий А. А. Зиминой).

таким образом, определенно утвердилась практика розыска татей наместниками и волостелями.³⁴ И зафиксированные в КП и ПП нормы, ограничивающие «свод» рамками общины-верви и оставляющие за ней право организации «свода», не могли применяться в XIV—XV вв. В ней прослеживается характерное (по сравнению с эпохой КП и ПП) усиление вмешательства княжеской власти в те сферы права, которые ранее не были подведомственны ей.

Как и в УГ конца XV—первой половины XVI в., после постановления об организации «свода» с целью поиска татя в ДУГ идет статья о наказании за «самосуд». Ст. 6 ДУГ определяет самосуд как самовольный отпуск пойманного с поличным татя за «посул» и назначает за него 4-рублевый штраф. Предположение, что ограничение понятия «самосуд» случаем, когда за отпуск татя бралась взятка, объясняемое слабостью княжеского аппарата на местах,³⁵ представляется вероятным. В УГ конца XV—первой половины XVI в. «самосудом» считался отпуск татя без «явки» его наместнику или волостелю и без «посула». Штраф за самосуд назначался по УГ конца XV—первой половины XVI в. (начиная с 1488 г.) обычно иной, 2 р.³⁶ Онежская УГ 1537 г. назначает за «самосуд» рубль, УГ Пермской земли (1553) — знакомый нам по ст. 6 ДУГ 4-рублевый штраф (400 белок).³⁷ Следовательно, 4-рублевый штраф «за самосуд» и в XVI в. окончательно не вышел из употребления. В целом же и ст. 6 ДУГ генетически связана с памятниками права XV—XVI вв., вышедшими из московской великокняжеской канцелярии, и имеет очень отдаленные параллели в памятниках времен независимости Новгорода и Пскова.³⁸ Очевидно, и она отразила московское право конца XIV в.

По ст. 7 наместнику отчисляли деньги из расчета «кого утяжут в рубле, — и наместником вины полтина». Эта норма, устанавливающая 50%-ную от исковой суммы величину «присуда», соотносится с характерной для ряда УГ первой поло-

³⁴ Ср.: Мерило праведное по рукописи XIV в. М., 1961. С. 380; Милов Л. В. К истории древнерусского права XIII—XIV вв. // 1962. М., 1963. С. 58; Смирнов И. И. Установление татьбы // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 489.

³⁵ ПРП. Вып. 3. С. 192.

³⁶ Яковлев. № 2. С. 4; № 3. С. 6; № 4. С. 9; № 5. С. 12; № 8. С. 21; № 10. С. 27; № 16. С. 46.

³⁷ Там же. № 7. С. 17; № 12. С. 34.

³⁸ Я имею в виду статью «А самосуда не замышляти», фигурирующую в договорах князей с Новгородом с начала XIV в. (ГВНиП. № 6 и др.). Но в отличие от ст. 6 ДУГ имелся в виду «самосуд» княжеских судей, а не местных жителей.

вины XVI в. статьей, которая назначала 50%-ный «присуд» в пользу кормленщика и его тиуна при вынесении приговора в пользу истца и 10%-ный (гривна с рубля) — при решении дела в пользу ответчика.³⁹ С 10%-ным (гривна с рубля) штрафом в пользу наместника и его тиуна (причем независимо от того, кто оказывался прав — истец или ответчик) мы встречаемся в ст. 3 Судебника 1497 г.⁴⁰ Но действие ст. 3 распространялось на центральный суд, контролировать который было легче, чем наместничий. И линия на ограничение доходов от суда наиболее последовательно проявилась именно в отношении центрального суда. Проведение ее в жизнь в отношении местного суда, по-видимому, наталкивалось на серьезные препятствия, и великокняжеской власти приходилось проявлять тут осторожность. Именно этим, думается, следует объяснить появление отраженной в ряде УГ первой половины XVI в. нормы, которая по существу была компиляцией постановлений ст. 7 ДУГ (50%-ный штраф) и ст. 3 Судебника 1497 г. (10%-ный штраф).⁴¹ Эта компилятивная норма предопределяла необъективность наместников и волостелей, которые были заинтересованы решить дело в пользу истца: в этом случае они получали впятеро больший доход, чем при противоположном исходе дела. Судебник 1550 г. установил 10%-ный штраф и для центрального (ст. 8) и для наместничьего суда (ст. 62).

Ст. 7 ДУГ, таким образом, генетически тесно связана с памятниками, вышедшими из московской великокняжеской канцелярии. В памятниках времен независимого существования Новгородской республики практика взимания 50%-ного штрафа не зафиксирована.⁴² Очевидно, и ст. 7 ДУГ зафиксировала обычную для Московского великого княжества конца XIV в. норму штрафа и, следовательно, отразила правовую практику Северо-Восточной, а не Северо-Западной Руси.

В УГ конца XV—первой половины XVI в. и также в Судебниках 1497 г. и 1550 г. после общего определения размеров судебных пошлин идут статьи, определяющие повышенные

³⁹ Яковлев. № 3. С. 6; № 4. С. 9; № 8. С. 20; № 9. С. 24; № 14. С. 40.

⁴⁰ Судебники. С. 19.

⁴¹ Ст. 38 Судебника 1497 г. в случае отсутствия УГ, определяющей размеры судебных пошлин, назначала 10%-ный штраф, если виноват истец и 100%-ный — если виноват ответчик: «А имати ему с суда, оже доищется ищя своего, и ему имати на виноватом противень по грамотам, то ему и с тиуном; а не будет где грамоты, и ему имати противу исцева. А не доищется ищя своего, а будет ищя виноват, и ему имати на ищен с рубля по два алтына, а тиуну его с рубля по осми денег. А будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ищен по тому же расчегу» (Судебники. С. 47).

⁴² ПРП. Вып. 2. С. 213 (см. ст. 8 НСГ).

размеры судебных пошлин в случаях, когда стороны прибежали к судебному поединку («полю»). Цель этих постановлений — ограничение «поля» как средства судебного доказательства. В конце XIV в. указанные постановления, по-видимому, еще не были сформулированы, хотя неблагоприятное отношение к «полю» в правящем классе (прежде всего среди церковных иерархов), по-видимому, уже сформировалось.⁴³

Ст. 8 ДУГ назначает вознаграждение наместничьим дворянам за поездку из Орлеца в другие районы Подвинья. Следовательно, столица Двинской земли переносится ДУГ из Холмогор⁴⁴ в Орлец — основанную в 1342 г. новгородским боярином Лукой Варфоломеевичем крепость, которая в 1397—1398 гг. стала резиденцией московского наместника.⁴⁵

Ст. 8 очерчивает границы присоединенной к Москве Двинской области. Ведь дворяне двинского наместника могли въезжать только на подвластную ему территорию. Они не могут въезжать ни в пограничные с Подвиньем с запада, юга и востока «ростовщины», ни в новгородские владения на западе, ни на расположенную восточнее Вычегодскую землю.⁴⁶ Постановление, согласно которому княжеский дворянин «за правду» (расследование обстоятельства дела) получает «вдвое» больше «езда», соответствует постановлениям памятников конца XIV—первой половины XVI в., вышедших из великокняжеской канцелярии.⁴⁷ В памятниках Северо-Западной Руси времен независимости Новгорода и Пскова такого рода постановления нет. В НСГ двойная оплата «езда» за «правду» не предусмотрена. По ст. 65 (по Ю. Г. Алексееву, 56) ПСГ дворянин получает двойной «езд» не «за правду», а если «поедет на татбу».⁴⁸ Следовательно, и ст. 8 теснее связана с правовой практикой Северо-Восточной Руси.

Заключительная часть ст. 8 («А железного четыре белки,

⁴³ПРП. Вып. 3. С. 378—379; Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. М., 1859. С. 252.

⁴⁴ГВНиП. №85 (1328—1341 гг.), 95 (1447—1459 гг.); Яковлев. № 16 С. 45—49 (1547—1556 гг.).

⁴⁵Рождественский С. В. Двинские бояре и двинское хозяйство... С. 61.

⁴⁶Зарубин Л. А. Важская земля... С. 170—190; Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за двинские земли... С. 190—211.

⁴⁷ДиДГ. № 9; Судебники. С. 23, 26, 73, 154; Яковлев. № 2. С. 4; № 6. С. 13; № 8. С. 20; № 9. С. 24; № 10. С. 27. № 12. С. 34; № 14. С. 38; № 16. С. 43.

⁴⁸ПРВ. Вып. 2. С. 213—218, 295; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота... С. 65. Не вполне понимаю мысль Л. В. Черепнина (Судебники. С. 173), что «татба» ст. 65 ПСГ является синонимом «правды» памятников Северо-Восточной Руси.

только человека скуют, а не будет по нем поруки. А более того дворянину не взяти ничего; а через поруку не ковати; а посула в железех не просити; а что в железех посул, то не в посул»), как уже отмечалось, сходна со ст. 4 договора 1229 г. Смоленска с Ригой. В обеих статьях запрещено сажать в тюрьму и заковывать человека, если на нем есть «поруки».⁴⁹

Ст. 9 ДУГ предусматривает выдачу бессудной грамоты на не явившегося в суд ответчика (типичная правовая норма средневековой Руси) и передачу на поруки «нетутошнего человека», оказавшегося в Подвинье (по-видимому, подразумевались правонарушения, караемые штрафом, приговор по которому приводился в исполнение по месту жительства ответчика⁵⁰). Вызывать ответчика в суд могут не только «дворяне» (представители наместника), но и «подвойские» (представители сотского).

Ст. 10 ДУГ определяет размеры писчих и печатных пошлин за оформление судебных грамот. Справедливо указывалось, что о том же говорится в ряде статей Судебника 1497 г. и ПСГ.⁵¹ Ст. 10 наместникам назначалось «от печати... по три белки», а дьякам «от писма от судные грамоты две белки». В пересчете на единицы московской денежной системы это соответственно 6 денег и четыре денги. Именно такие размеры платежей в пользу наместников и дьяков предусматривает ст. 16 Судебника 1497 г.: «О докладном списке. А докладной список боярину печатати своею печатью, а дьяку подписывати. А имать боярину от списка с рубля по алтыну, а дьяку от подписи с рубля по четыре денги, а подъячму, который на списке напишет, с рубля по две денги».⁵² И ст. 10, таким образом, имеет соответствие в более поздних памятниках московского происхождения. А вот ее связь с правовыми нормами Северо-Запад-

⁴⁹ ПРП. Вып. 2. С. 60; Вып. 3. С. 194. Слова «а железного четыре белки, только человека скуют» дополняются встречающимися в двух УГ конца XV—XVI в. постановлением: «А от поруки пристав у них не емлет ничего» (Яковлев. № 2. С. 4; № 7. С. 18). Ясно, что пристав получал пошлины, только если ответчик брался под стражу.

⁵⁰ Ср. ст. 10 «Записи о душегубстве»: «А поймают тверитина за поличным на Москве, и судят и казнят его на Москве, а отсылки, ни судьи за ним нет; а поймают в пеном деле, ино его дать на поруце, а искати на нем во Твери» (АСЭИ. Т. 3. № 12. С. 29). «Порука» с последующим взысканием штрафа в Твери давалась, таким образом, лишь в «пеном деле». При поимке «с поличным» тверитина судили на месте совершения преступления (причем, скорее всего, его не давали на поруку, а сажали в тюрьму; ср. ст. 8 ДУГ).

⁵¹ ПСГ. Вып. 3. С. 195.

⁵² Судебники. С. 22.

ной Руси опять-таки не прослеживается. Ст. 82 ПСГ (75, по Ю. Г. Алексееву) назначает 5 денег писцу за написание грамоты и одну деньгу за приложение печати. По НСГ с оформлением судного списка положено брать гривну с рубля (ст. 8) или 4 гривны с рубля в случае, если рассматривались дела об убийстве, разбое, татьбе, грабеже или же если тяжба заканчивалась «полем» (ст. 33).⁵³

К ст. 10 относят и постановление («А сотскому и подвойскому пошлины с лодыи по пузу ржи у гостя»), которое, мне кажется, следовало бы считать особой статьей (далее называем ее ст. 10а). Она подразумевает «явку», о которой говорит ст. 14 (в обеих статьях говорится о взимании с лодыи или с воза определенной части привозимого гостями товара). Но если на других территориях, подвластных московскому великому князю, «явку» взимают наместник и его пошлинник, то в Подвинье по ст. 10а — сотский (представитель волостного мира) и подвойский.⁵⁴ В данном случае налицо явный отход от принятых правовых норм в пользу автономности Подвинья. Возможно, московское правительство подтвердило в данном случае привилегию, которой Двинская земля пользовалась и под властью Новгорода.

В ст. 11 фиксируется ненаказуемость холоповладельца, якобы неумышленно убившего раба. А. А. Зимин справедливо соотносит ст. 11 ДУГ с посвященной тому же казусу ст. 89 ПП, но едва ли прав, думая, что в ст. 11 ДУГ отразилось «изменение холопьяго права, свидетельствовавшее о том, что в быту и под влиянием церкви убийство холопа, во всяком случае, не поощрялось».⁵⁵ Именно в ст. 89 ПП заметна попытка в какой-то степени обуздать произвол холоповладельцев. С этой целью декларируется 12-гривенный штраф в пользу князя за убий-

⁵³ ПРП. Вып. 2. С. 213, 216, 233, 240, 296; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота... С. 69. На территории великого княжества с двинских гостей берут соль, на Двине с великокняжеских гостей — рожь. Факт, показательный для понимания характера товарообмена между Северо-Восточной Русью и Подвиньем.

⁵⁴ Подвойский в ст. 10 ДУГ выступает как представитель сотского. Известно, что подвойские, как и дворяне, вызывали ответчиков в суд (ГВНИП. № 279; ст. 9 ДУГ). И в ст. 49, 64, 81 (по Ю. Г. Алексееву, 39, 55, 74) ПСГ (ПРП. Вып. 2. С. 214—215) он упоминается рядом с княжескими дворянами-приставами, но в то же время противопоставляется им как представитель Псковской республики. Это заставляет усомниться в характеристике подвойского как «княжеского судебного исполнителя» (ПРП. Вып. 2. С. 357). По-видимому, на Северо-Западе он был «исполнителем» республиканских органов власти, функции подвойских на Северо-Востоке Руси (АСЭИ. Т. 3. № 494; Судебники. С. 28) менее ясны.

⁵⁵ Зимин А. А. Традиции Правды Русской... С. 193; ПР. Ч. 1. С. 114.

ство холопа «без вины». А ст. 11 ДУГ в аналогичной ситуации фиксирует безнаказанность холоповладельца. Это было уступкой холоповладельцам, что, по-видимому, отразило стремление московского правительства заручиться поддержкой двинских феодалов. Отступления от принятых правовых норм в пользу расширения прав населения Двинской земли прослеживается и в ст. 12 ДУГ, которая запрещает поездку на Двину великокняжеских приставов. Объем прав у двинских наместников был значительно большим, чем у других наместников. Ведь на территорию, подведомственную наместнику великого князя, великокняжеские приставы обычно могли приезжать для вызова ответчика в суд.⁵⁶

Ст. 12 ДУГ сближает Двинскую землю с суверенными политическими образованиями удельного типа: запрещение посылать великокняжеских наместников в уделы князей московского дома можно найти в Московско-серпуховских соглашениях XIV—XV вв., в договоре Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями Василием и Федором Юрьевичами, в докончании Василия Темного с князем Иваном Васильевичем Суздальским и в договоре (1460-х гг.) Ивана III с Андреем Угличским. Принцип, в соответствии с которым нельзя было посылать своих приставов в чужой удел, сформулирован и в завещании Владимира Андреевича Серпуховского.⁵⁷ Запрещение посылать своих приставов в чужой удел считалось таким же важным признаком княжеского суверенитета, как и право на сбор дани. Известная нам ст. 30 Судебника 1497 г. («Указ о езде») не предусматривает поездку недельщиков из Москвы как раз в те города Русского государства, которые в 1497 г. не были подвластны московскому великому князю — в Переяславль-Рязанский и другие города Рязанского княжества, Псков, Волоколамск и Рузу (столицы уделов Федора и Ивана Борисовичей).⁵⁸ Приведенные факты не позволяют согласиться с утверждением, что в ст. 12 ДУГ зафиксированы «Общие начала организации суда и управления».⁵⁹ В ней зафиксирован отход от этих «общих начал» в сторону усиления автономности Подвинья. А вот в ст. 13 ДУГ действительно отразились типичные особенности русского судопроизводства в XIV—XV вв. Она вводила определенный контроль над двинскими наместниками, давая право двинянам жаловаться на них непосредственно ве-

⁵⁶ Яковлев. № 2. С. 5; № 3. С. 7; № 7. С. 18; № 9. С. 25; № 13. С. 38; № 15. С. 44; № 16. С. 47—48; Судебники. С. 23—24 (ст. 30—36).

⁵⁷ ДиДГ. № 5, 7, 11, 13, 17, 27, 40, 45, 52, 56, 58, 66.

⁵⁸ Судебники. С. 23.

⁵⁹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 404.

ликому князю, если наместник «над кем учинит продажу силою». В этом случае великий князь вызывал наместника на суд в Москву, а в случае неявки в срок давал на него «безсудную грамоту». Житель удела не мог жаловаться на своего князя в Москву. А жалобу на наместника и последующий великокняжеский суд над ним источники знают (см., например, ст. 45 Судебника 1497 г.).⁶⁰ Так что разница между статусом Двинской земли по ДУГ и статусом удельных княжеств была. Заключительные слова ст. 13 («и пристав мой доправит») вводят определенную оговорку в постановление ст. 12, запрещающей въезд на территорию Двинской земли великокняжеского пристава. Очевидно, он может приехать лишь для разбора жалобы местного жителя на двинского наместника. Вызывать же местного жителя на суд в великое княжение пристава, повторим, не может.

Ст. 14—16 ДУГ устанавливают привилегии для двинских купцов, торгующих в великом княжении. Ст. 14 и 16 соотносятся со ст. 7 Белозерской УГ 1488 г.

Ст. 7 Белозерской УГ освобождает приезжающих на Белозеро иногородних купцов от уплаты всех пошлин, за исключением «явки» — пошлины, которая взималась в пользу наместников при показе им документа на право владения землей или привезенного товара.⁶¹ В ст. 7 Белозерской УГ «явка» упоминалась в последнем значении. При этом особо оговаривалось, что на территории Белозерской земли она платится один раз: тот, кто уплатил «явку» на Волочке Словенском, освобождался от ее уплаты, равно как и от уплаты других пошлин. То же самое постановление, по сути дела сформулировано и в ст. 14 и 16 ДУГ. По ст. 16, двинский гость освобождается на территории, подвластной Василию Дмитриевичу, от уплаты всех торговых пошлин, в том числе и «явки». Ст. 14 ДУГ предусматривает выплату в пользу великокняжеских наместников на Устюге и Вологде некоей не называемой пошлины. Но из сопоставления ст. 14 ДУГ и Белозерской УГ следует, что имелась в виду «явка»: как и по ст. 7 Белозерской УГ, пошлина взимается в пользу наместников, а не в пользу особых финансовых агентов (таможенники, мытники и т. д.); по ст. 7 Белозерской УГ, «явка» взималась с судов, по ст. 14 ДУГ — с воза или с ладьи. Как и по ст. 7 Белозерской УГ, пошлина в со-

⁶⁰ Судебники. С. 26.

⁶¹ Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850. С. 50—54; Горский А. Д. Очерки социально-экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960. С. 162—166, 202.

Ст. 14 «А гостю двинскому гостити в лодьях или на возах; с лодии на Устюзе наместником два пуда соли, а с воза две белки, а боле того наместники не емлют у них, ни пошлинники, ничего; а на Вологде дадут с лодии два пуда соли, а с воза по белке, а более того не емлют у них ничего. А в лодиях или на возах, коли поедут, и наместницы устюжские и вологодские их не унимают».

Ст. 16 «А куды поедут двиняне торговати, ино им не надобе во всей моей вотчине в великом княжении темга, ни мыт, ни кости, ни гостинее, ни явка, ни иные никоторые пошлины».

ответствии со ст. 14 и 16 ДУГ платится лишь однажды. Устюг и Вологда — пограничные с Двинской землей территории, и уплативший там «явку» двинской гость, следовательно, один раз уже обязательно уплачивал ее при пересечении границ Двинской земли. Сообщаемый ДУГ факт, что в 1397 г. в Устюге сидел великокняжеский наместник, представляет интерес. Это наиболее раннее известие об утверждении власти Москвы в этом центре ростовских владений на Северной Двине.⁶² В 1397 г. великокняжеский наместник сидел и на Вологде, бывшей в конце XIV—первой половине XV в. ареной московско-новго-

Ст. 7. «А пошлин наместником на Белоозере в городе: явка з гостей, кои гости приходят из Московские земли, из Тверские, из Новгородские земли, или откуда кто ни придет, з большого судна, с ватамана гривна, а людей на судне сколько ни будет, ино з головы по денге; а хто придет в малых судех в гребных на Белоозере из Московские земли или из Новгородские, ино с ватамана с людей, колко их на судне ни будет, ино з головы по денге. А на Волочке на Словенском наместником держати своих пошлинников, а явку емлют з гостей по тому же: кто кто придет из Московские земли, из Тверские, из Новгородские Земли, и с Устюга, и с Вологды, ино з большого судна с ватамана гривна, а с людей, колко их на судне им будет, ино з головы по денга; а в малом судне в гребном, хто придет, ино с ватамана и с людей, колко их ни будет на судне, ино з головы по денге».

«...А которы гость заплатит пошлину на Волочке, а на том другие пошлины на Белоозере не емлют».

⁶² Устюг как владение Москвы впервые фигурирует в духовной Василия Темного (ДиДГ. № 61. С. 194). Возможно, в конце XIV—первой половине XV в. он считался землей владимирского великого князя, а не составной частью Московского княжества.

родского соперничества.⁶³ ДУГ не предусматривает взимание «явки» в таких пограничных районах великого княжества, как Галич и Белоозеро, ибо юрисдикция московского великого князя не распространялась на эти земли: Дмитрий Донской завещал Галич Юрию, а Белоозеро — Андрею. Но если Юрий стал управлять Галичем сразу же после смерти отца (1389), то Андрей, по-видимому, только с 1399 г.⁶⁴ До 1399 г. белозерскими землями вместо малолетнего Андрея должен был временно управлять кто-то другой. Отсутствие упоминания о великокняжеских наместниках на Белоозере в 1397 г. показывает, что Василий Дмитриевич не был регентом Белоозерского удела. Регентские права там в 1389—1399 гг. скорее всего имела вдова Дмитрия Донского — великая княгиня Евдокия.⁶⁵

Ст. 15 ДУГ предусматривает подсудность непосредственно великому князю тех двинских людей, которые совершенно «татьбу с поличным» на Устюге, Костроме и в Вологде. О других землях великокняжеского домена в ст. 15 ДУГ не говорится, из чего можно заключить, что там в соответствии с принятыми в конце XIV в. правовыми нормами татьбу с поличным судили наместники. Изъятие же из их ведения данной группы дел на Устюге, Костроме и в Вологде, возможно, связано с географическим положением этих территорий. Устюг и Вологда граничили с Двинской землей, а Кострома — с землями Галицкого удела. И устанавливая непосредственный контроль над разбором дел о татьбе с поличным, великий князь усиливал контроль в этих пограничных районах.

⁶³ Колесников П. А. Вологда в политических планах Московского княжества // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 160—166.

⁶⁴ Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. // Историческая география России: XII—начало XX в. М., 1975. С. 46.

⁶⁵ Существование традиции, в соответствии с которой временной правительницей уделов малолетних детей была вдова великого князя, позволяет предположить факт получения после смерти Василия Темного его женой великой княгиней Марьей Ярославной во временное управление (1462—1466) Вологодского удела, завещанного родившемуся в 1454 г. Андрею Меньшому (ПСГЛ. Т. 25. С. 273; ДидГ. № 61. С. 195; Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 370; Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия; С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 172, 174; Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря // Зап. ОР ГБЛ. М., 1982, кн. 43. С. 93). Да и текст завещания Дмитрия Донского показывает, что вдове предоставлялись определенные права в отношении уделов ее сыновей: и в случае рождения у нее после смерти мужа малолетнего сына она наделяет его землей из уделов других сыновей (ДидГ. № 12. С. 33).

Подведем итоги историко-юридического анализа ДУГ. Она зафиксировала в основном типичные для своей эпохи нормы, отчасти восходившие еще к эпохе КП и ПП. Они «списывались» преимущественно с правовой практики Северо-Восточной Руси. ДУГ предоставляет Двинской земле значительную автономию. Такого рода автономия была формой включения в состав складывающегося Русского государства ранее независимой земли. Представление уставными грамотами широкой автономии различным землям, начиная с конца XIV в., было характерно и для складывающегося Литовского Великого княжества.⁶⁶ Несмотря на ряд общих с УГ конца XV—первой половины XVI в. постановлений, ДУГ существенно отличается от них. В УГ конца XV—первой половины XVI в. не зафиксированы уже сколько-нибудь существенные черты автономности тех земель, которым они выдавались. И это естественно. ДУГ — грамота той эпохи, когда процесс объединения русских земель вокруг Москвы далек от завершения и силы московского великого князя были недостаточны для установления чисто московских порядков во вновь присоединенных землях. К концу же XV в. был в основном завершен процесс объединения русских земель вокруг Москвы, власть московского великого князя резко усилилась.

Завершим статью рассмотрением вопроса, который пока не ставился — о практической применимости ДУГ. Возможность его постановки дает рядная грамота Леонтия Зацепина с княжеостровцами. Эту грамоту датировали концом XIV в.—первой четвертью и первой половиной XV в., 1398—1422 гг.⁶⁷ Но, думается, ее следует датировать иначе. Суд (после которого заключается «ряд») по ней осуществляют двинские посадники Василий Юрьевич и Аврам Степанович, сотский Иван и «Васильев наместник Мина Андреевич». В последнем можно с большой степенью вероятности предположить наместника московского великого князя Василия I. Великокняжеский наместник действовал на Двине в период присоединения Подвинья к Москве. Об этом свидетельствует ДУГ. Об этом говорит и

⁶⁶ Ясинский М. Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889. С. 47—51.

⁶⁷ Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. № 86. С. 106—107; Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. № 59. С. 31; ГВНИП. С. 188; ПРП. Вып. 2. С. 189, 201—202; Миронова В. Г. Проблема хронологии некоторых двинских актов // Материалы по истории европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 247—250; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Ч. 2. С. 75; Андреев В. Ф. О датировке некоторых двинских грамот // ВИД. Л., 1981. Вып. 10. С. 192.

известие, что в 1398 г. новгородцы «у наместника великого князя, у князя Федора Ростовского взяша присудь и пошлины, а самого пустяша в Русь».⁶⁸ А когда Двинская земля входила в состав Новгородской республики, княжеского наместника там, по имеющимся данным, не было. Грамота 1328—1341 гг. Новгорода на Двину адресована двинскому посаднику и двинским боярам. Княжеский наместник в ней не упомянут. По судной грамоте (близкой по времени к рядной Леонтия с княжеостровцами: в ней также упоминается сотский Иван), суд осуществляют два двинских посадника и сотский. Вступительная часть ДУГ говорит о присылке наместника в условной форме («коли пошлю»)⁶⁹ Следовательно, и в момент составления ДУГ появление наместников в Подвинье в будущем лишь предусматривается как возможное.

Сохранение княжеского наместника Подвинья после возвращения под власть Новгорода сомнительно. Во всяком случае, в приведенном известии недвусмысленно указывается, что у московского наместника князя Федора Ростовского «взяша присуд и пошлины, а самого пустиша в Русь». Акты XV в. не обнаруживают следов существования княжеского наместника в Подвинье.⁷⁰

Итак, грамота № 132, фиксирующая активное участие в судопроизводстве «Васильева наместника Мины Андреевича», очевидно, составлена в период временного присоединения Подвинья к Москве, причем скорее всего ближе к начальному периоду московского владычества на Двине, к 1397 г. (ибо в 1398 г. московским наместником был не Мина Андреевич, а князь Федор Ростовский). Мина Андреевич, по-видимому, был местным феодалом («двинским боярином» ДУГ). Среди представителей московской знати такое лицо неизвестно.⁷¹ А присланный из Москвы наместник, думается, должен был бы быть достаточно крупной фигурой. Его значение предопределялось важностью для Москвы Подвинья и необычайно широкими полномочиями, которые предоставляла двинскому наместнику ДУГ. Не случайно определенно присланный из Москвы на-

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 383; Т. 5. С. 250.

⁶⁹ ГВНиП. № 85, 88, 92, 132.

⁷⁰ К двинским актам XV в. привешивались печати владычных наместников или (значительно реже) двинских посадников. Наместничьи печати неизвестны. В жалованной грамоте Новгорода Троице-Сергиеву монастырю конца 40-х—начала 50-х гг. XV в. упомянуты двинские посадники. О княжеских наместниках — ни слова (ГВНиП. № 95).

⁷¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

местник был князем. Если предположение, что Мина Андреевич местный землевладелец верно, то слова ДУГ «кого пожалую наместничеством из двинских бояр» были реализованы, а не просто являлись демагогическим реверансом в сторону двинских бояр с целью добиться их поддержки.⁷² Василий I вынужден был реально считаться с их влиянием.

Грамота Леонтия с княжеостровцами показывает, что проект управления Подвиньем, зафиксированный в ДУГ, был (по крайней мере в течение определенного периода) реализован лишь частично. Москва посадила на Орлеце наместника, но сохранила и характерные для Двинской земли институты — двинских посадников, владычных наместников (к грамоте Леонтия с княжеостровцами привешена печать владычного наместника Остафия Яковлевича), участие которых в управлении Двинской землей ДУГ не предусматривала. Установился тот порядок судопроизводства, который был характерен и для московско-новгородских отношений. С начала XIV в. в соглашениях князей с Новгородом появляется статья: «А без посадников ти, княже, суда не судити».⁷³ Совместный княжеско-посадничий суд (с участием сотского) мы видим и в грамоте № 132 (от имени московского князя суд осуществляется наместником).⁷⁴

Итак, даже проект ДУГ, предоставлявший Подвинью статус, близкий к статусу удела, не вызвал, по-видимому, там энтузиазма. И чтобы добиться более или менее широкой поддержки, московскому правительству пришлось предоставить этой области еще более широкую автономию — установить с ней те отношения, которые были характерны для его взаимоотношений с Новгородом, сохранить там местные институты, которые ограничивали власть назначаемого Москвой наместника.

Разница между ДУГ и реальной организацией управления Подвиньем в 1397—1398 гг. показывает, что Василий I и вступившие в союз с ним двинские землевладельцы преследовали неодинаковые цели. Великий князь добивался (хотя и проявлял тут крайнюю осторожность) присоединения Подвинья к

⁷² Ср.: ПРП. Вып. 3. С. 186.

⁷³ ГВНИП. № 6, 7, 8, 9, 10, 14, 18.

⁷⁴ В. Г. Миронова (Проблема хронологии... С. 257—258) отмечает, что в 1328—1341 гг. в Двинской земле был один посадник, в 1401 г. — два. Она считает, что двойное посадничество возникло после событий 1397—1398 гг. и отразило стремление властей Новгородской республики к укреплению своих позиций в Двинской земле. Но рядная Леонтия с княжеостровцами показывает, что это случилось до событий 1397—1398 гг.

Москве. А двинские феодалы стремились с помощью Москвы стать такой же независимой феодальной республикой, какой был Новгород. Союз с Москвой им нужен был прежде всего для того, чтобы добиться независимости от Новгорода. Переходить же под сюзеренитет Москвы им, по-видимому, вовсе не хотелось. И внутренняя непрочность московско-двинского союза, возможно, была одной из причин, которые помешали Москве захватить в 1397—1398 гг. Подвинье.

Московским наместником на Двине, по-видимому, так и не стал наиболее активный сторонник Москвы Иван Никитич, который возглавлял приверженцев перехода Подвинья под сюзеренитет Москвы.⁷⁵ Василий Юрьевич и Аврам Степанович — двинские посадники, упомянутые в грамоте № 132, — определенно не придерживались откровенно промосковской ориентации. Оба они впоследствии стали новгородскими посадниками,⁷⁶ что было бы немислимо, скомпрометируй они себя в 1397—1398 гг. активным сотрудничеством с Василием I (вероятно, они занимали выжидательную, нейтральную позицию: Василий Дмитриевич, конечно, избавился бы от явных сторонников Новгорода). Таким образом, Василий I, по-видимому, не смог (во всяком случае, на первом этапе, в момент составления рядной Леонтия с княжеостровцами) посадить на ключевые должности в Подвинье наиболее близких ему людей. Очевидно, передача им этих должностей могла встретить там достаточное сопротивление и, следовательно, в Подвинье были очень сильны позиции тех кругов, которые вели себя весьма независимо от Москвы и с которыми правительство Василия I вынуждено было серьезно считаться.

⁷⁵ Предположение В. Г. Мироновой (Проблема хронологии... С. 257—258), что Иван Никитич в 1397—1398 гг. был двинским посадником сомнительно. Будь он посадником, это скорее всего отметили бы летописи.

⁷⁶ Янин В. Л.: 1) Новгородские посадники. М., 1962. С. 266—267; 2) Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 2. С. 116; 3) Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 189—190.